

Купить и достать

Постепенный рост благосостояния должен был снять возможные напряжения между элитой и остальным населением. Среднемесячная зарплата в 1980–1985 гг. выросла с 168,9 до 190,1 рубля в месяц, а зарплата рабочих — со 182,5 до 208,5 рублей¹⁵⁰. Доход от подсобного хозяйства составил в 1980 г. 7% от общего дохода населения, в том числе у колхозников — 27,5%¹⁵¹, а в реальности возможно и больше. С добавлением различных выплат и льгот среднемесячная зарплата в народном хозяйстве возросла с 233 до 269 рублей¹⁵². Уровень жизни населения можно измерить и иначе. Важный показатель, характеризующий качество жизни — количество родившихся и умерших на 1000 человек. В 1975 г. рождаемость составила 15,7, а смертность — 9,8. В 1985 г. рождаемость продолжала расти и составила 16,6, а смертность — 11,3¹⁵³. В 2005 г. рождаемость составила всего 10,2, а

¹⁵⁰ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.36.

¹⁵¹ Там же. С.112.

¹⁵² Там же. С.46.

¹⁵³ Российский статистический ежегодник. М., 1994. С.43.

смертность – целых 16,1¹⁵⁴. По этим показателям (как и по многим другим) Российской Федерации далеко до СССР.

Разумеется, существовало и социальное расслоение. В 1980 г. СССР 25,8% населения получали без учета льгот доход ниже 75 рублей, а 18,3% - выше 150 рублей (в РСФСР уровень жизни был выше среднесоюзных показателей на 4,9–5,2%)¹⁵⁵. Таким образом, средние имущественные слои количественно преобладали, что характерно для развитого индустриального общества с социальным государством.

При этом цены не стояли на месте, хотя по нынешним меркам их рост был еле заметным. Так, в 1968–1973 гг. кило мяса и птицы выросло в цене в среднем с 1,622 до 1,673 рубля, то есть на 5,1 копейки. По копейке в год. Колбасные изделия – с 2,134 до 2,255 – то есть на 12,1 копейки. Рыба – на 4,6 копейки, сыр – на 8. Метр хлопчатобумажной ткани подорожал на 2 копейки. Быстрее дорожали шерстяные ткани (на 1,69 рублей за метр), кожаная обувь (на 1,12 рубля за пару). Но и это – за пять лет. Телевизоры и телерадиолы выросли в цене с 286,72 рублей до 316,48 рублей, то есть на 29,76 рублей, холодильники с 208,26 до 235,27, то есть на 27,01 рублей¹⁵⁶. Можно вспомнить, что эти товары были дефицитными. Но ведь у большинства советских людей к началу 80-х гг. был и телевизор, и холодильник.

Этот уровень цен был отражением собственных возможностей советской экономики, такую стабильность нельзя объяснить ростом цен на нефть. Система сохраняла собственный запас прочности, а вот нефтяной допинг сопровождался некоторым ускорением инфляции. В 1980–1985 гг. цены на мясо выросли на 5%, на колбасные изделия — на 13%, на рыбу — на 2%, на сыр и брынзу — более чем на 3%, на фрукты и бахчевые культуры — более чем на 21%. В то же время цены на животное масло, яйца, сахар, крупу не изменились¹⁵⁷. Инфляционным фактором стала реформа планирования 1979 г., которая стимулировала вымывание дешевого ассортимента¹⁵⁸.

В то время как цены на хлопчатобумажные ткани выросли почти на 30%, цены на шерстяные ткани упали почти на 5%. Если цены на радиоприемники возросли на 5%, то на цветные телевизоры упали на 9%. Средний индекс инфляции в 1980–1985 гг., рассчитанный по 37 показателям, составил 6%¹⁵⁹ - чуть более процента в год. Таким образом, с учетом инфляции, доходы населения в 1980–1985 гг. выросли на 5%. Однако рост доходов усиливал дефицит. Хозяйственные ведомства и предприятия предпочитали ответить на рост спроса «по рыночному» – повысив цены (а не напрягаясь на рост производства дефицитной продукции). Помощник Генерального секретаря В. Голиков писал Л. Брежневу в декабре 1974 г.: «Время от времени вопрос о повышении цен приобретает особо высокий накал. Как раз сейчас, когда верстается план 1975 г. и готовится план новой пятилетки, борьба за повышение цен приобрела особенно высокий накал.

Сошлюсь лишь на такие факты. Совет Министров СССР внес в Политбюро предложения о значительном увеличении розничных цен на все виды вин, в том числе и на плодово-ягодные (как их в народе называют, «гнилушка»), повышении тарифа на такси, а

¹⁵⁴ Россия в цифрах. 2006. М., 2006. С.75.

¹⁵⁵ Там же. С.115.

¹⁵⁶ Л.И. Брежнев. 1964–1982. Вестник Архива Президента. Специальное издание. М., 2006. С.177.

¹⁵⁷ РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.213. Л.31.

¹⁵⁸ Подробнее см. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С.120–121.

¹⁵⁹ Подсчеты по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.168–170.

также стоимости проездных билетов в авиации. Есть сведения, что готовятся проекты об увеличении розничных цен на бензин (примерно в 2 раза), на некоторые сорта водки и все виды бальзама (тоже в 2 раза). Вынашиваются и многие другие проекты»¹⁶⁰.

По мнению В. Голикова, *«Всякого рода комбинации с ценами выгодны лишь Госплану, Минфину, а точнее — их руководителям, которые стремятся свою бесхозяйственность, неумение руководить экономикой закрыть «добычей» одного или двух миллиардов рублей за счет повышения цен. У кого они взяли этот миллиард? Они взяли его у собственного государства, у собственного народа»*. Последняя фраза понравилась Брежневу, он подчеркнул ее, также как и другую: *«Да, снижение цен — это здоровый путь, а повышение цен — это свидетельство нездоровья нашего хозяйственного организма»*¹⁶¹. Голиков настаивал: *«Повышение цен, наоборот, тормозит, сдерживает совершенствование производства, научно-технический прогресс»*¹⁶².

Руководство страны продолжало «держат цены», планы их резкого повышения, о которых предупреждал Брежнева Голиков, тогда не осуществились. Но на потребительский рынок продолжал давить неудовлетворенный спрос.

Е. Гайдар утверждает, что «уже с середины 60-х годов на большей части территории страны мясо исчезает из свободной продажи». И тут же, не замечая противоречия с предыдущей фразой, продолжает: «Купить его с этого времени можно лишь в кооперативной торговле или на колхозном рынке по значительно более высокой, чем государственная, цене»¹⁶³. То есть — в свободной продаже. Е. Гайдар в 90-е гг. вводил систему, где вовсе нет государственных цен, а свободные цены взвинчиваются в десятки раз (в отличие от цен советских рынков, которые были в полтора-два раза выше фиксированных государственных). Рыночный сектор индивидуальных сельских хозяйств существовал параллельно с государственно-колхозной системой и был довольно развит. Индивидуальные приусадебные хозяйства, которые занимали всего 2,8% посевных площадей, давали в 1979 г. 59% картофеля, 31% овощей, 30% молока, 29% мяса и 33% яиц¹⁶⁴. В СССР существовало два вида цен — более высокие рыночные (аналог нынешних цен, которые посмеиваются над зарплатами большинства трудящихся) и государственные, по которым мясо и другие дефицитные продукты можно было купить не всегда и не везде.

Чем был вызван дефицит в государственной торговле? Нехваткой продуктов? Смотря каких.

История советского сельского хозяйства представляется либеральным публицистам как перманентный кризис, обусловленный социалистической моделью индустриализации. Предположим. Но что такое кризис? С точки зрения Е. Гайдара, живописующего беспросветное кризисное развитие советского сельского хозяйства, в царской России конца XIX — начале XX вв. аграрного кризиса не было (это при нескольких голодовках и крестьянских восстаниях 1902–1907 гг.). Почему либеральный идеолог не видит кризиса? Российская империя экспортировала зерно (напомним, что и СССР делал это даже во время голода 1932–1933 гг.). В России росла средняя по десятилетиям урожайность зерна¹⁶⁵. Но в

¹⁶⁰ Л.И. Брежнев. С.174.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. С.176.

¹⁶³ Гайдар Е.Т. Указ. соч. С.159.

¹⁶⁴ РГАНИ. Ф.5. Оп.77. Д.396. Л.207–208; Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога. // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С.123.

¹⁶⁵ Гайдар Е.Т. Указ. соч. С.149.

СССР урожайность росла до 1987 г.¹⁶⁶ Забыв о предложенном им критерии, Е. Гайдар говорит об аграрном кризисе в СССР как о постоянной данности. Но тогда нужно предложить какие-то другие критерии аграрного кризиса, не столь щадящие досоветскую и пост-советскую Россию. Аграрный кризис в СССР был, спору нет. Но это явление в СССР было не столь постоянным, и оно во второй половине XX в. не становилось причиной голодовки (что регулярно происходило в Российской империи). Колхозное (а фактически — государственное) индустриализованное сельское хозяйство обеспечило наращивание количественных показателей производства продуктов, что тоже было достижением по сравнению с Российской империей.

Средняя урожайность зерновых в 1970–1989 гг. выросла с 15,7 до 18,9 ц. с га. Для сравнения, в США этот рост составил 31,6 – 44,8 ц. с га. Впечатляющая разница. Но если сравнить советские показатели с канадскими, выясняется, что разрыв был не столь существенным (21,1 – 21,2)¹⁶⁷. В США не такой климат, как в Канаде (и в СССР). И хотя в Канаде не было колхозов и других «безобразий социализма», СССР приближался к ней по уровню урожайности.

СССР импортировал зерно. Может быть, в этом заключается кризис? Е. Гайдар даже рисует страшную картину: мол, если бы СССР был изолированной от мира экономикой, плохо бы пришлось населению. Стояло бы оно с карточками в очередях за хлебом¹⁶⁸. Остается спросить – а если бы Великобритания была бы изолирована от мира – там бы лучше было? Вряд ли. Этот пример лишний раз доказывает, что проблемы СССР вытекали из особенностей индустриализма, а не недостатков социализма.

Не вполне верен и другой «хрестоматийный» факт – СССР импортировал зерно с 1963 г. Дело в том, что импортировал он его не постоянно. В 1967–1971 гг. у СССР было положительное сальдо торговли зерном, причем даже в неблагоприятные годы СССР не тратил на это больше 5 млрд. долл. (в долларах 2000 г.). Нагрузка на бюджет была вполне терпимой. А после 1973 г., когда увеличились нефтяные доходы, советское руководство уже могло позволить себе безболезненно нарастить импорт. Когда цены на нефть упали в середине 80-х гг., упал и зерновой импорт¹⁶⁹.

В 1976–1980 гг. импорт составил 9,9% от уровня сельскохозяйственного производства страны, в 1980 г. — 18,1%, в 1981 — 28,4%¹⁷⁰.

По версии Е. Гайдара только «поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов» и решить другие социально-экономические и внешнеполитические проблемы. И прежде всего – временно преодолеть «ключевое противоречие советской экономики» (по Гайдару) – между растущим спросом городского населения и хроническим кризисом сельского хозяйства¹⁷¹. Но, во-первых, кризис советского сельского хозяйства в том смысле слова, который Е. Гайдаром вкладывается в слово «кризис», не был столь хроническим. А во-вторых, рост спроса на продукты питания является результатом любой урбанизации, и может преодолеваться как с

¹⁶⁶ Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.460.

¹⁶⁷ Гайдар Е.Т. Указ. соч. С.211.

¹⁶⁸ Там же. С.161.

¹⁶⁹ Там же. С.173.

¹⁷⁰ After Brezhnev. P.162.

¹⁷¹ Гайдар Е.Т. Указ. соч. С.183.

помощью интенсификации сельскохозяйственного производства, так и путем роста производства промышленной продукции (включая нефть и газ), что позволяет обеспечить закупку дополнительного продовольствия. К 80-м гг. урбанизация завершилась, и необходимость количественного роста производства продовольствия стала не столь актуальной. Е. Гайдар и его последователи не замечают, что «основное противоречие» советской экономики заключалось не в количественных показателях, а в качественных.

К началу 80-х гг. СССР продолжал сохранять сильные позиции по тем видам продукции, которые могли реально оцениваться в количественных показателях, в том числе по продовольствию. Производство основных продуктов в килокалориях на душу населения составило в СССР в 1976–1980 гг. почти 3,5 миллионов ккал в год (наивысший показатель за всю историю России). Для сравнения — до революции производилось не более 2 миллионов ккал на душу в год. Американцы превзошли эти показатели СССР в конце 30-х гг.¹⁷²

В 1981–1985 гг. почти сравнялись показатели производства яиц на душу населения в СССР и США¹⁷³. Зато по производству молока на душу населения СССР уже в конце 50-х гг. обогнал США. В 1981–1985 гг. (а это пятилетие наихудших показателей сельского хозяйства в 70-е — 80-е гг.) СССР производил на 80 кг. больше молока на душу, чем Америка¹⁷⁴. Но это не удовлетворяло потребности советского населения в той же мере, как американского — из-за потерь на пути от сельскохозяйственных предприятий до прилавков. В 1983 г. в СССР было произведено 16 миллионов тонн мяса, в то время как в США с их передовым сельским хозяйством — 27,8 миллионов тонн¹⁷⁵. Суммарное производство зерна и картофеля в зерновом эквиваленте в СССР в 1981–1985 гг. составило более 200 миллионов тонн (в США — более 300 миллионов тонн)¹⁷⁶. Это не может расцениваться как качественный отрыв, особенно если учесть различия в климате двух стран и в культуре потребления. «На протяжении ряда лет, по официальным данным, мы производили на душу населения около 750 кг зерна. Примерно столько же, сколько Франция»¹⁷⁷, — с гордостью пишет М. Горбачев. Европа отставала от СССР по производству зерна на душу населения¹⁷⁸.

Но как только продукт оценивался с точки зрения его качества (то же мясо, одежда или бытовая техника), выяснялось, что плановая экономика не в состоянии производить большое количество продуктов высокого качества. В этом и заключался кризис: справляясь с количеством, советская экономика проигрывала битву за качество.

Картина прилавков западных супермаркетов создавала у советских туристов иллюзию бесконечного отставания СССР и часто вызывала психологический шок, кардинально менявший взгляды человека. Но порожденная советской идеологией привычка сравнивать

¹⁷² Совместное заседание Комитета по аграрным вопросам и фракции Аграрной партии Государственной Думы РФ 13 июля 1995 г. Статистические материалы по докладу Д.э.н. Института США и Канады РАН Чернякова Б.А. «Аграрные преобразования в США и России: этапы, цели, последствия (1895–1995)». Архив Шубина А.В. май–август 1995 г. С.1.

¹⁷³ Совместное заседание... С.13.

¹⁷⁴ Там же. С.11.

¹⁷⁵ СССР в цифрах в 1983 г. Краткий статистический сборник. М., 1984. С.64–65.

¹⁷⁶ Совместное заседание... С.6.

¹⁷⁷ Горбачев М.С. Указ. соч. С.183.

¹⁷⁸ Совместное заседание... С.14.

отечественный уровень жизни с Западом, наводящая на пессимистические размышления, не отражала реального положения советского населения в мире. Достаточно напомнить, что разрыв в личном потреблении на душу населения развитых капиталистических и развивающихся стран составлял 12,5 раз¹⁷⁹. «Социалистические» страны, таким образом, занимали промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами, приближаясь скорее к первым, чем ко вторым.

Это подтверждает и структура потребления в странах трех типов. Так, даже в начале 90-х гг. средний житель Турции (одного из лидеров «Третьего мира») тратил на питание 53% зарплаты, а средний швед — 23%¹⁸⁰. Доля затрат на питание в расходах семьи в СССР снизилась в 1980–1985 гг. с 35,5% до 33,7%. Освободившиеся средства шли на приобретение предметов культурно-бытового назначения и мебель (рост с 6,5 до 7,1%), а также на уплату налогов (рост с 9,1 до 9,4%) и в семейные накопления (рост с 5,6 до 7,8%)¹⁷⁴. Людям казалось, что некоторый рост доходов, проходивший в условиях усилившегося дефицита, позволит накопить средства, которые решат проблемы семьи позднее. Однако по мере того, как эти надежды не оправдывались, дефицит раздражал все сильнее и превращался в острейшую социально-психологическую проблему. Таким образом, сам факт роста уровня доходов населения превращался в фактор кризиса.

Насколько же реально жизненный уровень СССР отставал от западного? Наиболее обеспеченным регионом была Москва — модель возможных для «реального социализма» достижений. Сравнение Москвы с жизнью человека развитых стран Запада, предпринятое американскими социологами, дает не такие уж плохие результаты. В марте 1982 г. для приобретения 7 килограмм хлеба средний москвич, обеспечивающий четырех человек, должен был трудиться 119 минут, лондонец — 175, парижанин — 126, житель Мюнхена — 189, Вашингтона — 112. Таким образом, москвича опережал только вашингтонец. Но по остальным продуктам потребительской корзины ситуация была иной. Для приобретения килограмма говядины (с поправкой на московское качество) тем же жителям больших городов предстояло работать соответственно 123, 115, 119, 150 и 69 минут. Как видим, мюнхенец оказался даже в несколько худшем положении, чем москвич. Больше он, однако, не позволял себе отставать от советского человека — для приобретения 3,3 килограмм сахара им предстояло трудиться соответственно 191, 36, 30, 33 и 30 минут, 12 литров молока — 264, 108, 96, 84 и 72 минуты, 2 килограммов сыра — 370, 130, 118, 130, 200 минут, 9 килограмм картофеля — 63, 27, 36, 36 и 63 минут. Здесь уже американец сравнялся с москвичом. Недельная корзина, состоящая из 23 видов продуктов, стоила бы соответственно 53,5, 25,7, 22,2, 23,3 и 18,6 часов работы. Как видим, разрыв существенен, но — не на порядок. Еще меньшим он становится с учетом коммунальных платежей. Чтобы заплатить их за месяц, нашим героям предстояло трудиться 12, 28, 39, 24 и 51 час. Так что с учетом платежей месячная корзина стоила им соответственно 226, 130,8, 127,8, 117,2 и 125,2 часов¹⁸¹.

При интерпретации этих фактов следует учитывать различие в качестве продуктов (хотя и западное качество преувеличивать не стоит), в наличии дефицита, который иногда затруднял получение продукта даже москвичом. В то же время ситуация, когда один москвич обеспечивает четырех членов семьи, не была типичной из-за широкого распространения женского труда и относительно высоких (по сравнению с зарплатой) пенсий.

Но если в «странах капитала» было выше социальное расслоение, то в СССР при относительно низком социальном расслоении существовали сильные региональные различия в снабжении, которые раздражали население «провинции» и настраивали его против Москвы

¹⁷⁹ Капитализм на исходе столетия. М., 1987. С.219.

¹⁸⁰ Год планеты. Выпуск 1993 года. М., 1993. С.297, 299.

¹⁸¹ After Brezhnev. P.195.

и против «центра» вообще. «Реальный социализм» не мог обеспечить московский уровень жизни даже в крупнейших городах.

Несмотря на то, что продовольственная проблема (в понимании стран «Третьего мира», то есть большинства стран) была в СССР решена, и голод ему не угрожал, продовольственный дефицит оставался важнейшей проблемой, раздражавшей население.

Почти всегда советскому человеку были доступны хлебопродукты, крупы, овощные и рыбные консервы, молоко, хотя и в поставках этих продуктов были перебои. Доходило даже до перебоев в поставках хлеба. В сентябре 1978 г. в Йошкар-Оле, например, дошло до образования очередей за хлебом, в которые нужно было вставать с вечера, как в войну¹⁸². Чаше происходили перебои с хлебом в селах, что возможно только при сверхиндустриальной производственной системе, когда производитель хлеба отчужден от результатов своего труда. В январе 1979 г. в «Правду» пришло 16 писем о таких перебоях¹⁸³. Однако, такие случаи все же считались чрезвычайными происшествиями. Затратив несколько больше усилий, советский человек запасался мясом, мясoproдуктами, сыром, рыбой.

Но это уже было непросто. Читательница «Литературной газеты» Е. Соловьева из г. Коврова писала: «Хочу рассказать вот о чем. Сажу на кухне и думаю, чем кормить семью. Мяса нет, колбасу давным давно не ели, котлет и тех днем с огнем не сыщешь. А сейчас еще лучше — пропали самые элементарные продукты. Уже неделю нет молока, масло если выбросят, так за него — в драку. Народ звереет, ненавидят друг друга. Вы такого не видели? А мы здесь каждый день можем наблюдать подобные сцены»¹⁸⁴.

Эти сцены позволяют понять, куда пропадали продовольственные и ходовые промышленные товары, которые распределялись по плану не только в столицах. И Ковров, и Пермь, и Свердловск имели свои лимиты на мясо, масло и те же котлеты. Население имело деньги, чтобы купить продукты по относительно низким, фиксированным ценам. Но возможность получить доступ к продукту существовала далеко не всегда, и когда она возникала, человек стремился создать запас. То, что должны были получить многие понемножку, доставалось помногу тем, кто первым оказывался у кассы. Но по той же причине дефицитные товары редко доходили до прилавка, потому что первыми у кассы оказывались продавцы, их начальники и знакомые, а также начальники начальников и знакомые знакомых. Образовывались теневые сети распределения, которые окончательно иссушали и без того чахлые реки государственной торговли.

Дефицит на прилавках не совпадал с положением в холодильниках. По каналам личных знакомств дефицитные продукты расходились по стране. То, что было трудно купить, можно было достать. Это даже не было воровством — за дефицит официально расплачивались. Просто одни имели возможность его купить—достать, а другие должны были давиться в очередях, чтобы просто купить.

Снабжение Москвы, Ленинграда, Киева и ряда других городов было лучше. Эти города были центрами, откуда мясо, колбаса и т.д. развозились по стране «продуктовыми экскурсиями», своеобразной реинкарнацией мешочничества. Такой противоестественный способ компенсировать разницу снабжения разных регионов был частным случаем все того же распределения, которое шло по выстроенным в обществе нерыночным каналам.

Граждане с большим интересом следили за продовольственной «политикой партии». Когда в апреле 1979 г. Брежнев заявил о намерении удвоить производство мяса, в «Правду» немедленно пришло 43 письма с вопросом: «За счет каких ресурсов?»¹⁸⁵

¹⁸² РГАНИ. Ф.5. Оп.75. Д.246. Л.35.

¹⁸³ Там же. Оп.76. Д.213. Л.4.

¹⁸⁴ Там же. Л.238.

¹⁸⁵ Там же. Л.172.

Потребности людей постоянно растут по мере расширения кругозора большинства населения, и люди все чаще сталкивались с невозможностью воплотить в жизнь свои маленькие планы, в то время, как им сообщали о выполнении планов системы в целом. Это неизбежно усиливало психологическое противоречие между человеком и системой. Все эти маленькие бытовые противоречия постепенно накапливались, суммировались — и вот уже в обществе росло недовольство большинства, все отчетливее формулируемое в негативный лозунг: «Так жить нельзя».

Причина недовольства населения заключалась в недостатке качественной продукции, качества жизни. Рост валовых показателей сам по себе его не улучшает. **Кризис был вызван не столько затуханием роста производства, сколько переходом количественных запросов населения в качественные. Неспособность вертикальных каналов управления и распределения справиться с этой проблемой вел к росту горизонтальных, часто теневых связей, откачивавших на себя ресурсы.**